
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

MONGOLICA-XIV

Сборник научных статей по монголоведению
посвящается 130-летию монголоведа, публициста, дипломата,
академика АН СССР Ивана Михайловича Майского (1884—1975)

St. Petersburg
2015

К. Ф. Голстунский

Очерк поездки в Калмыцкую степь, совершенной в лето 1886 года (Подготовка к изданию, предисловие, примечания С. С. Сабруковой)

(Окончание)

Точно так же и всякое церковное празднество служит у калмыков вполне подходящим предлогом для пьянства. По калмыцким обычаям старшие из духовных по совершении каких-нибудь особо важных обрядов и молитвословий чествуются прихожанами. Им подносятся подарки, состоящие из одежды, денег и съестных припасов, и, кроме того, устраиваются угощения, при этом, конечно, напиваются главным образом сами чествующие. Правда, пьянство зато нигде не обставлено такою торжественностью и формализмом, как у калмыков, на каждый случай имеются свои особые освященные обычаем здравицы и благопожелания (иерел).

Во всяких празднествах, торжествах и попойках участие принимают почти исключительно только мужчины, женщины же не участвуют в них не потому, чтобы доступ им был туда запрещен, а просто им некогда бражничать вследствие массы работ по хозяйству. Присутствуют женщины только на (32 л.) праздниках церковных, и тут только мне удалось заметить в них некоторое желание принарядиться и вообще позаботиться о своей наружности, а то я пришел уже было к заключению, что кокетство, это качество, свойственное всем женщинам земного шара, совершенно чуждо калмычкам. Действительно, обыденный мужской костюм отличается от женского большею опрятностью и благовидностью, у мужчины даже можно иногда заметить желание пофрантиться и порисоваться своею внешностью.

Костюм мужчины состоит из следующего:

Бешмет — кафтан с низко вырезанною грудью и полами, доходящими до колен, делается обыкновенно из синей бумажной материи. Он перетягивается поясом (бүсү), очень часто украшаемым польским серебром.

Шалбур — широкие шаровары, дающие полную возможность сидеть, поджавши ноги, сколько угодно времени.

Килик — сорочка обыкновенного покроя. Задага килик (открытая) носится более стариками с открытым воротом.

Обувь (госун) отличается своею оригинальностью и уродливостью; она явно свидетельствует о том, что калмык очень редко ходит, так как ходить в такой обуви крайне неудобно. Каблуки у калмыцких сапог особенно длинна (так. — С. С.) и как-то совсем подогнуты к подошве. Головной убор (торцок) калмыка состоит из высокой шапки с раструбом, обращенным кверху; делается она обыкновенно из бараньего меха; верх шапки обшивается какой-нибудь цветной материей, очень аккуратно сложенной в складки, наверху маленькая красная кисть (залá). Залá эта изображает «вачир». Она служит особенностью калмыцкого головного убора в отличие от монголов.

Девушки калмычки носят платья из какой-нибудь светлой бумажной материи, талию туго перетягивают кожаным поясом; под платьем они носят нечто вроде лифчиков — жилеты, которые мешают развитию груди, девушке ходить с развитой грудью считается по калмыцким понятиям верхом неприличия.

Вследствие такого противоестественного стеснения в развитии груди девушки часто выходят кривобокими, сутуловатыми и с особенно выдающимся животом. Выходя замуж, девушка надевает широкий балахон без всякой талии с широкими рукавами.

Обычный головной убор (халбук) девушек и замужних женщин одинаков; он состоит из высокой круглой шапки, формой несколько походящей на митру. Шапки эти обыкновенно желтого цвета и обиваются кругом синей и красной полосами. Девушки носят распущенными волосы, с макушки идет одна тоненькая косичка, а женщины заплетают их в две косы, причем каждая из них вкладывается (33 л.) в особый мешок (чинберлик) из черной материи; к концу его привязывается небольшое металлическое украшение, несколько похожее на стрелу (токок). Это, кажется, единственная роскошь и излишество, которые позволяют себе женщины в обыденном костюме. Мужчина лет 35, а женщина и до 30 лет иногда получают уже почетный титул «эбуген» — ‘старик’ и «эмэгэн» — ‘старуха’. С этого времени как

мужчины, так и женщины начинают носить особые стариковские колпаки (хаджилга), круглый околыш, или опушка их, делается из хорошей мерлушки, а возвышающаяся над этим околышем четырехугольная тулья — из желтого сукна. Наверху эта шапка увенчивается еще залá.

Праздничный наряд мужчины отличается от будничного только качеством материала. Бешмет делается из хорошей черной материи, шаровары иногда делают плисовые.

Настоящий парадный женский костюм отличается роскошью и богатством всякого рода вышивок, позументов и т. д., таких нарядов, однако, не более двух-трех в степи. Более скромный праздничный наряд женский состоит из шелкового (так. — С. С.) обыкновенно ярко-зеленого или синего цвета, у девушек бывают откидные рукава. Особенною оригинальностью отличается парадная женская шапка, она украшена золотым галуном, околыш этой шапки шьется так, что одна сторона выходит углом вниз, делая как бы уступ, который приходится как раз посередине лба; тулья шапки украшается широкой красной выпушкой. Стоимость полного парадного женского одеяния доходит до 500 р. Нельзя сказать, чтобы оно отличалось безвкусицей, напротив, в некоторых костюмах замечается даже желание подобрать подходящие цвета. Только великое обилие позументов и тому подобных тяжеловесных украшений отнимает у носящих костюм до некоторой степени свободу движений. При выдаче дочери замуж родители непременно стараются сделать ей «тэрлик» и «цэгхдэк». «Тэрлик» надевается прямо на рубашку, рукава и грудь обшиты позументами, воротник очень широкий и высокий. «Цэгхдэк» безрукавка — у ворота такие же украшения, как и у тэрлика, на спине широкий разрез, обшитый позументом. Одеваются женщины в свой парадный наряд очень редко, раза три или четыре в год, только по особо торжественным церковным праздникам.

Калмыки твердо придерживаются русской поговорки, что у праздника не без дурасти, и не упускают случая повеселиться по случаю праздника. Только веселья в их жизни мало, незаметно, чтобы они предавались ему всей душой. У калмыков существует довольно большое количество песен, не прочь они и поплясать, но во всем этом видно полное отсутствие оживленности (34 л.), заметна какая-то придавленность, забитость. Казалось бы, что у вольных сынов степей и песни и пляски должны быть разудалые, широкие, а на самом деле замечается обратное, пляшут они не на вольном воздухе, не на широком степном раздолье, а толкуются себе на одном месте у тагана. В песнях их не заметно ни удалы, ни ухарства.

Из игр калмыков я видел только одну, несколько похожую на нашу игру в бабки (шагалзаху), задачей игры является известным образом вышибить щелчком бабку. Бабки ставятся обыкновенно четырехугольником; посередине ставят одну бабку, которую затем и вышибают из четырехугольника таким образом, чтобы она, ударившись в одну из бабок, рико-

шетом попала в другую. Успех игры обуславливается, конечно, ловкостью, сноровкой.

Во время моего пребывания в Ульдучине мне случилось присутствовать на целом ряде духовных и светских праздников.

В день моего приезда в хурул происходили какие-то таинственные молитвословия, происходящие раз в несколько лет; на них присутствуют обыкновенно только духовные лица и привилегированные светские лица. Впрочем, нет запрета и простым «черным калмыкам» присутствовать на этих богослужениях, но обыкновенно такая масса богомольцев, что и без них юрта бывает битком набита. Для вящей таинственности молельная юрта окружена даже оградой из решеток «тэрмэ». Ограда эта называется дацаном. Проникнуть на такое богослужение нам положительно никакой возможности. В настоящем году в пору совершения этих богослужений Ульдучины посетил профессор Петровско-Разумовской Академии¹ г. Чернявский и, кажется, вошел было за священную ограду, но калмыки тотчас попросили его о выходе.

За один день на молельной юрте три раза поднимали флаг, и тотчас же по этому сигналу со всех сторон ползут гэланы и богомольцы, довольно пестрое зрелище представляло это шествие — духовные в желтых и красных одеяниях, светские мужчины в черных и серых бешметах, женщины в зеленых и синих платьях; смотришь и удивляешься, каким образом вся эта масса людей умещается в юрте, имеющей не более пяти сажен в диаметре, как мне говорили, на моления каждый раз собираются 223 человека. Можно представить себе удовольствие просидеть, поджавши ноги, в таком спертом воздухе часа 1,5—2. На другой день окончились эти таинственные молебствия; оказывается, что это не какой-нибудь церковный праздник, а просто очистительная молитва, которую прочел по просьбе здешнего владетельного князя Тундутова один знаменитый (35 л.) своей начитанностью бакши. Ученость этого господина, говорят, известна не в одной только калмыцкой степи, он славится даже будто бы в Тибете. Особенно изумительна та легкость, с которой он читает священные тибетские книги, переводит *à livre ouvert*², читает как по писаному. Часов в 6 вечера началось торжественное приношение благодарности бакше за прочитанные им очистительные молитвы. Об этом торжестве «хурим» я имел уже случай упомянуть раньше. Все светские здесь присутствующие власти собрались в юрте главного здешнего заправила Бэмбэ гелюна, управляющего аймаком вместо своего неспособного брата зайсанга. Отсюда они направились к молельне с приношениями мяса, арки и одежд; к процессии мало-помалу присоединялись духовные лица, спешившие со всех сторон хурула к

¹ Петровско-Разумовская Академия — высшее сельскохозяйственное заведение, открытое 21 ноября 1865 г.

² *à livre ouvert* (франц. яз.) — с листа, без подготовки, свободно.

главной большой юрте. Впереди всех шел князь с теткой своей княгиней, за ними следовала толпа зайсангов и духовных. Господин Кутузов сначала сказал, что мне можно будет смотреть на процессию, но потом прислал нарочного с просьбой не подходить близко. Поэтому я не мог хорошо рассмотреть, как все дело было; видел только, что масса народа направляется к юрте бакши, он вышел оттуда и произнес, по-видимому, какую-то речь, затем все направилось к молельне. Впереди прислужники несли корыта с бараньим мясом (шолюном) и ведра арки; высшие духовные и светские лица вошли в юрту, низшие чины духовенства и черный народ остались снаружи. Всякий из этих несчастливцев, которым не удалось попасть внутрь юрты, старался хоть через щелку «тэрмэ» рассмотреть, что такое там внутри делается. Целая масса красных фигур облепила большую юрту со всех сторон, всякий лез через голову другого, сидели друг на дружке. Началась в юрте трапеза, остатки бакша, по существующему обычаю, велел выслать народу. Нужно было видеть, с каким остервенением набросились стоявшие у входа юрты на эти дары, освященные благословением самого бакши. Я очень сожалел, что не мог посмотреть, каким образом справлялись с этой толпой раздававшие священную пищу. Все, которым удалось добыть себе кусок мяса, тотчас поспешно съедали его и остатками жира вымазывали себе лицо и волосы. Церемония в молельной юрте продолжалась довольно долго, издали я услышал даже, что там начали что-то петь хором, не вытерпел, и подошел было поближе, на расстояние сажен 20. Тотчас же меня, однако, заметили гэланы и доложили князю; тот выслал мне прислужника с просьбой отойти подальше, и я должен был с великой досадой удалиться. Подивился я, в самом деле, фанатизму и глупому упрямству господ гэланов, а еще более их князя, человека, по-видимому, развитого, (36 л.) в настоящее время слушающего даже курс в СПб. университете.

Часов около восьми процессия наконец потянулась обратно из молельни к юрте бакши, опять явились на сцену барабаны, трубы и вообще весь прелестный буддийский оркестр. С пением священных гимнов и оглушительной музыкой проводили бакши домой и затем начали расходиться.

На следующий день был праздник в хуруле. Уже с утра заметно было какое-то особенное, небывалое стечение народа: с разных сторон подъезжали телеги с калмыками из соседних хотонов, среди богомольцев особенно много было женщин, и все они были разряжены в праздничные наряды, в высоких парадных шапках. В 5 ч. дня начался церковный праздник, носящий название Шютэн гэгни³. Еще с утра на просторном месте в середине хурула поставлен был высокий, сажени в три, щит из множества ковров, сшитых вместе и прикрепленных в виде паруса к двум столбам. По обычному сигналу, т. е. звукам

священной раковины, духовные лица начали собираться у всех здешних сюмэ. С разных сторон стали подходить к сюмэ и приехавшие на праздник калмыки. Вслед за сим из всех сюмэ вынесли бурханов, числом четыре, а также длинный ящик, в котором положен был новый бурхан, писанный одним местным художником гэланом (цзурачи)⁴ на громадном шелковом полотнище. Появилась масса разноцветных знамен «чимэк» и музыкальных инструментов. На расстоянии сажен двух от щита, на южной стороне от него приготовлен был «такимийн ширэ» на котором установлены были все бурханы, вынесенные из сюмэ, перед ними поставлены были обыкновенные чашечки, в которые кладутся жертвоприношения. Отступя от этого «такимийн ширэ» на 8—10 сажен, поставлено было седалище⁵ для совершавшего здесь торжественные молебствия бакши, который должен был отслужить праздничное богослужение; несколько правее устроено было другое подобное же седалище, на котором поставлен был ковчег с прахом старого весьма чтимого здесь бакши. Между «такимийн ширэ» и тронем, устроенным для бакши, были разложены ковры и маты для духовенства. Непосредственно за седалищем бакши положены были ковры для привилегированных светских особ. Духовные, несшие музыкальные инструменты и «чимэк», стали несколько левее от седалища бакши. Расставив все священные принадлежности, духовные стали кругом их в ожидании прихода бакши. Все это время князь и княгиня с толпой зайсангов двинулись (так. — С. С.) к юрте этого последнего, тот вышел к ним навстречу и благословил. Бакши этот очень представительный на вид высокий (37 л.) мужчина, еще не старый, с выразительным, несколько измученным, как мне показалось, лицом. Калмыцкого типа в нем совсем незаметно. Одет он был в обыкновенную «номту дэвэл»⁶ желтого цвета, на голове у него была шапка, употребляемая при богослужении Докшит (оботай). Все оказывают ему чуть не божеские почести, стараются прикоснуться к его одежде, над головой постоянно один из младших духовных держит зонтик. Когда он подошел к месту богослужения, начали поднимать на устроенный щит нового бурхана Личжи Дорчжи; когда сняли с него особую предохранительную занавеску из зеленой шелковой материи, народ воздал тройное поклонение святыне.

Началось богослужение. Духовные числом 150—200 уселись перед бурханом на разложенных матах и коврах, образовав собою правильную трапецию, в основании этой трапеции сел бакши, окруженный высшим духовенством. Богослужение состояло, по обыкновению, из чтения вполголоса тибетских молитв, прерываемых по временам пением; музыка от-

⁴ Гэлон (цзурачи) — иконописец.

⁵ Седалище — трон.

⁶ Номту дэвэл — одеяние ламы, верхняя часть одежды.

³ Шютэн гэгни — «Освящение шютэна».

сутствовала; после раздачи аршана (святой воды) начался сбор денег с богомольцев. Собирали большей частью молодые манчжики, которых было человек 10—15, причем собиравшие не обходили присутствующих стройной процессией, а шныряли во всей толпе. Собирали деньги они не в голую руку, а обертывали ее для этого в «оркимчи». Все приношения сдавались одному из гэлонгов, который клал их на столик, стоявший перед сиденьем бакши. На этом столике скоро образовалась порядочная кучка, рублей 75—100. Моления продолжались часа 1,5; духовные все время сидели на своих матах, светские богомольцы трижды совершили обхождение вокруг бурхана. Во время богослужения обыкновенная раздача чая.

По окончании службы бурхана спустили со счита, и снова, в том же порядке, процессия двинулась по всем сюзэ, заноса в каждую взятых оттуда бурханов. Под конец с земными поклонами проводили и бакши до его юрты. Торжественная процессия, во время которой бурханы были отнесены обратно по сюзэ, двигалась в том же направлении, в каком обходили вокруг бурхана светские богомольцы во время богослужения; процессия обогнула бурхана с левой стороны и прошла по всем сюзэ. В каждое сюзэ вносили вынесенных оттуда бурханов. Бакши в это время произносил краткую молитву и совершал троекратно поклон.

Процессия сопровождалась оглушительной музыкой. Участвовали в хоре на этот раз и светские, все наперекор старались поиграть на каком-нибудь из инструментов. Богомольцы чуть не дрались между собой. Особенность богослужения в этот день состояла в том, что бакши приносил жертву. Перед бакши, как я уже упоминал, стоял столик, покрытый белой скатертью; на столике этом стоял серебряный сосуд, похожий на (38 л.) кофейник, с водой и серебряное зеркало с ручкой на задней стороне, тут же на столе небольшая тарелка и два-три белых платка. В начале богослужения бакши лил воду из серебряного сосуда на зеркало, освящая ее, таким образом, через соприкосновение с отражением лика божества; вода стекала с зеркала на тарелку, и с тарелки он сливал ее обратно в сосуд; операцию эту бакши проделал несколько раз. Когда были собраны деньги, то часть их (кроме бумажек) бакши положил на тарелку и начал обсыпать понемногу семенами (какими именно, я хорошо не разглядел); во время этого обсыпания бакши несколько раз подбрасывал зерно вверх, делая это с помощью одних пальцев, а не руками, будто шелкал пальцами. Это священнодействие сопровождалось соответствующими молитвами, прерываемыми по временам пением присутствующих духовных и звоном священных колокольчиков. В конце богослужения один из духовных обошел присутствующих и раздавал из серебряного сосуда аршан (святую воду). Тарелку же с деньгами, обсыпанными семенами, обвязали в один из платков и поставили на «такимийн ширэ» перед бурханом.

Процессия, которой завершилось сегодня торжественное богослужение, окончилась в 8 часов, богомольцы начали расходиться. Но по кумирням все еще продолжалось богослужение, по крайней мере, часов до 10 вечера там раздавались звуки священного оркестра.

В тот же день я присутствовал на происходивших здесь скачках и борьбе. Часов в 5 выехали из хурула версты за две, здесь, на совершенно ровной площадке, очерчен был круг в три версты, на котором и должны были происходить скачки. Круг этот был намечен деревянными шестью саженями в 1,5 вышиной. На различных пунктах круга были выставлены конные сторожа, которые и должны были наблюдать за правильностью скачки. У ристалища поставлены были две юрты, одна для князя и вообще светских особ, другая же для духовенства. У последней сел бакши, окруженный сотней духовенства, рядом сели князь с княгиней и зайсанги, в почтительном отдалении стоял народ.

Один бакши сидел в шапке, все же прочие, несмотря на палящую жару, сидели на коленях с обнаженными головами; я присел к зайсангам. Скакало всего 26 лошадей на дистанции 18 верст. Эта огромная, по нашим понятиям, дистанция, по-калмыцки выходит еще слишком малой. Здесь скачки обыкновенно бывают в 21—24 версты. У старта выстроилось шесть калмыков с шестью, на которых повязаны были белые платки. Пришедший первым хватал шест из рук калмыка, стоявшего первым по направлению скачки, пришедший вторым — у второго и так далее. Быстроту лошади выказали изумительную, первая пришла в 29 л. 15 с. (так. — С. С.) (трехлетка кобыла одного зайсанга, племянника Дондукова). Призов всего было 6, (39 л.) первый в 100 руб., последний — в 12. Призовые деньги составились из складчины, каждая подписная лошадь вносила по 10 руб., получившая раньше на прежних скачках призы — 20 руб. По окончании скачки победители несколько раз проехали перед зрителями, знатоки любовались на невзрачных с виду лошадей. Каждый из победивших ездоков подходил сначала к бакши, клал перед ним три земных поклона и получал несколько рублей на чай. Ту же церемонию проделывал он перед князем, который и выдавал ему приз также с приличным от себя прибавлением. Бакши произнес по поводу удавшихся скачек приличное пожелание, благоговейно прослушанное всеми присутствующими. Откупорили несколько бутылок водки, наш зайсанг г. Кутузов, по требованию бакши, произнес краткий иерел и совершил подношение Будде. Один из младших зайсангов поднес стакан г. Кутузову, г. Кутузов, держа стакан правой рукой, левой сорвал стебелек травы и обмакнул его в вино, при этом он произнес иерел: «Дай бог и на следующий год совершить такое торжество, чтобы все люди были живы, здоровы и чтобы с каждым годом быстрота лошадей более и более увеличивалась». Этот же стакан поднес бакши с коленопре-

клонением другой младший зайсанг; бакши пригубил и передал другим высшим духовным.

После скачек происходила борьба. Выходили по очереди на арену три пары борцов; для борьбы они снимали все одежды, оставались только в высоко, до пояса, подобранных штанах. Борцы старались прежде всего половчее охватить противника, сам процесс борьбы длился менее времени, чем приготовления к ней. Противники долго стояли друг против друга с согнутым вперед корпусом и протяннутыми руками. Зрители принимали живейшее участие в борьбе, выражая одобрение победителям и порицание побежденным. Одним из состязавшихся явился, к моему удивлению, даже духовный. Его, впрочем, к общему, по-видимому, удовольствию, простой черный калмык одолел. Победители обходили высших духовных и зайсангов, каждый давал им мелких денег по желанию: определенных призов не было назначено. После борьбы опять пошла выпивка, только с большими церемониями, йерел произносил на этот раз зайсанг Дондуков, затем все зайсанги стали в ряд перед бакши и пропели ему пригласительную песнь выпить. Эту пригласительную песнь я имел уже случай слышать раньше на свадьбе.

В противоположность другим калмыцким песням, отличающимся некоторою мелодичностью и легко поддающимся разделению на такты, эта песнь отличается именно полным отсутствием всякой мелодии, большую часть ее не понять, а кое-что кричат со всеми, чрезвычайно характерным является внезапное понижение голоса, похожее на тирольское «jodeln»⁷. Казалось бы, что, по самому характеру песни, вроде застольной, она должна быть веселой, разудалой, между тем напев самый грустный, да и лица поющих при этом самые печальные, (40 л.) чуть не плачущие. Вино поднесла бакши с коленопреклонением сама княгиня. Официальная часть праздника этим и закончилась, бакши встал, благословил народ и отправился домой. Тут началась настоящая выпивка, пошел йерел за йерелом, часам к одиннадцати я вернулся к себе в юрту.

По поводу всех этих празднеств в Ульдучинском хуруле было сборище калмыцкой аристократии Малодербетовского улуса. Здесь я имел случай познакомиться с владетелем здешнего улуса князем Тундутовым, теткой его княгиней Дугаровой и целой толпой зайсангов, начиная от крупных и богатых и кончая мелкими. Князь Тундутов произвел на меня самое благоприятное впечатление. Несмотря на свою кажущуюся тщедушность, человек этот отличается большим тактом и умением управлять своим народом, почему пользуется, по-видимому, большим авторитетом среди него. Мне случилось присутствовать при разговоре князя с зайсангами и простым

⁷ Йодль (нем. Jodeln) — в культуре различных народов — особая манера пения без слов, с характерным быстрым переключением голосовых регистров, то есть с чередованием грудных и фальцетных звуков.

черным народом; всегда меня при этом поражали его находчивость и здравый смысл; он умеет ясно и с видом какой-то напускной наивности обобщать и очерчивать положение дела. Под этой личиной наивности скрывается в нем достаточное количество лицемерия, коварства.

Княгиня Дугарова прекрасная женщина, по-видимому, довольно образованная, порядочно говорит по-русски, имеет некоторые претензии на красоту и хочет еще нравиться, несмотря на свои 45—50 лет. Как всякая одинокая пожилая женщина, любит окружать себя хорошенькими молодыми лицами и держит двух прелестных девушек; несмотря на калмыцкий тип, они производят впечатление настоящих красавиц с большими выразительными глазами и роскошными волосами.

В среде зайсангов здешних выдающееся место занимают спутник наш г. Кутузов и Дондуков. Этот последний, кажется, очень гордится своим чином, носит всегда форменную фуражку. Рассказывая о своем пребывании в Петербурге, он уверяет своих слушателей, что вхож ко всем министрам, бывает у них запросто.

Другие зайсанги здешние не отличаются такими особенными качествами и вообще мало чем выделяются из среды прочих «черных калмыков», разве тем только, что носят огромные серьги в левом ухе, толстые медные цепи с коронационными жетонами, да позволяют себе отрывивать всюду и везде громче простых смертных. Такой господин ходит всегда в сопровождении своего прислужника кетчи, единственная обязанность которого — это набивать трубку своего хозяина и долиживать его кушанья. Это долиживать совершается у калмыков артистически: все жидкое — кумыс, чай и шюллон (бульон) пьется здесь, как я уже говорил, из особенных сосудов «ага», эти-то «аги» и долиживаются с особенным (41 л.) искусством прислужниками-калмыками языком, с помощью большого пальца, в вымазанную таким способом чашку тотчас же наливается опять порция и подается другому лицу.

За эту же поездку в Ульдучин мне удалось составить себе кое-какое представление об отношениях между различными элементами населения калмыцких степей Астраханской губернии. Калмыцкая степь и калмыки находятся во владении Министерства государственного имущества, управляются улусными попечителями и заведующими, которые находятся под начальством главного попечителя в Астрахани. Весь этот штат управления есть, так сказать, русско-калмыцкое начальство. Кроме этой русской власти у калмыков имеются свои нойоны и зайсанги, от которых они находятся в личной крепостной зависимости и платят им известную подать (албан). Это уже туземное калмыцкое начальство. Территория, занимаемая степью, лежит в пределах Черноярского уезда⁸, и потому русские поселения в

⁸ Черноярский уезд (Красноармейский уезд) — административная единица в составе Астраханской губернии.

степи управляются уездным начальством. От такого обилия начальства в одной и той же местности происходит всегда путаница.

Отношение уездного начальства к русскому калмыцкому можно, по крайней мере, уяснить себе; они, так сказать, друг друга не касаются и ведут каждый свое дело, переписываясь, в случаях надобности, через высшее начальство. Что я, однако, никак не мог себе хорошенъко уяснить, это отношения русских калмыцких начальников к туземным нойнам и зайсангам.

Официально эти калмыцкие власти в глазах русского начальства не должны иметь никакого значения; они официально не служат даже представителями своего народа, с которыми, как с посредниками, могли бы иметь дело русские попечители и управляющие улусами. На практике, однако, такое игнорирование, вероятно, немисливо ввиду авторитетности и влияния, которым пользуются эти власти в своем народе. Еще более запутанны отношения между калмыцким и русским населением края.

Различные начальства, различная система управления, наконец, диаметрально противоположность интересов ставят эти два элемента населения в отношения более чем странные друг к другу. Между русскими поселенцами и калмыками идут постоянные препирательства и борьба. В убытке от этих недоразумений остаются, конечно, простые, черные калмыки, по той простой причине, что на бедного Макара всегда шишки валяются. Валяются эти шишки и со стороны их же собственных зайсангов, со стороны русского калмыцкого начальства и, наконец, со стороны наших русских мужиков, которые, пользуясь покровительством своего (42 л.) начальства, бесцеремонно запускают свои лапы в калмыцкие карманы.

Злоупотребления зайсангов самые разнородные. Для того, чтобы получить разрешение пасти скот на калмыцкой земле, крестьяне должны заключить соглашение с Главным управлением калмыцким народом. Это последнее, по получении согласия от местного калмыцкого общества, допускает на паству известное количество голов скота с платой за крупный рогатый скот по 30 коп., а за мелкий — по 20 коп. в шесть месяцев с головы. Деньги, взимаемые таким образом, идут на пополнение общественного калмыцкого капитала, для получения согласия от местного калмыцкого общества нужно его, конечно, раньше задобрить, но от этих задобриваний, приобретенных, так сказать, уже полное право гражданства, общество, в сущности, ничего не получает, все они идут в карманы местных заправил. Кроме того, случаются и следующие курьезы: в главное управление, например, посылается прошение о допущении на паству 1000 голов скота, на самом же деле допускаются четыре или пять тысяч, деньги за необъявленный

скот идут, конечно, в руки тех же зайсангов. Случается также, что зайсанги, например, отчуждают калмыцкие земли крестьянам, чего они по закону ни в коем случае не имеют права делать. Закон, как оказывается, обходить чрезвычайно легко. Земля *de jure*⁹ продолжает оставаться калмыцкой, крестьяне же являются будто бы калмыцкими вольными наемниками. Уличить преступника в этом случае чрезвычайно трудно, почти невозможно, в случае возникновения какого-либо дела свидетелями являются, конечно, те же крестьяне, которые, конечно в своих же интересах, показывают, что они служат у калмыков по найму, сеют его семена и т. д., а работают, меж тем, совершенно самостоятельно, на свой собственный счет и страх. За последнее время злоупотребления эти в южной части Малодербетовского улуса достигли таких размеров, что калмыки, нигде не находя управы на своих притеснителей, стали прибегать к самосуду, решили сами разделяться со своими врагами, зайсангами и русскими крестьянами. В здешнего заправила, исполняющего обязанность зайсанга, бэмбэ гэллона, уже два раза стреляли; на днях произошло убийство калмыками русского за потрапу.

Несколько познакомиться с представителем здешнего русского начальства над калмыками мне случилось в первый же день моего приезда в Ульдучин.

В этот день нас почтили своим посещением приехавшие сюда по следственному делу заведующий южной частью Малодербетовского улуса и врач. Русские чиновники путешествуют по степи с большим удобством: за две станции выставляются подставы, два казака скачут спереди, два позади; издали можно подумать, по крайней мере генерал-адъютант едет. Особенно типичным оказался доктор, он, кажется, несколько был выпившим и потому, как (43 л.) говорится, зарпортовался. Прежде всего счел долгом распространиться о заслугах своих, особой старательности, с которой он учит и просвещает своих фельдшеров и выписывает лекарства. В это время зашел к нам в юрту князь Тундутов. Доктор наш воспользовался этим случаем, чтобы завести разговор о дозволении ему устроить вольную продажу лекарств. Дело в том, что он считается врачом калмыков, содержится на их средства и потому обязан отпускать безвозмездно лекарства одним только калмыкам. К нему между тем обращается масса русских из сел, так как на весь уезд здесь имеется один русский врач, живущий за 300 верст в Черном Яре. Эти русские пациенты и составляют некоторым образом частную практику и доходную статью калмыцкого доктора. Пока это лечение русских практиковалось келейно, не все, конечно, знали об этом, и пациентов являлось сравнительно мало. Так вот доктор хлопочет совершенно откровенно, чтобы ему на калмыцкие денежки разрешено было устроить открытую продажу лекарств русским крестьянам, с тем, что на вырученные в виде прибыли деньги он

нии, Саратовской и Царицынской губерний Российской империи и РСФСР, существовавшая в 1782—1925 гг. Уездный город — Черный Яр.

⁹ *De jure* — юридически, фактически.

обязуется увеличить имеющуюся у него аптеку. Если бы это было ему дозволено, то, конечно, калмыки за свои же деньги остались бы без лекарств, так как все они ушли бы на потребу платящих русских пациентов. Главным образом меня удивляет бесцеремонность, с которой такие предложения делаются интеллигентными людьми под маской полной законности и даже благотворительности. Приехали эти господа по довольно темному делу: убит был русский калмыками за поправу на калмыцкой земле, такие вещи, как оказывается, здесь не редкость — самосуд калмыков является необходимым следствием продажности наших чиновников, за 20—30 коп. с головы чиновники позволяют крестьянам пасти скот на калмыцкой земле. Калмыки по-настоящему во всех случаях недоразумений с русскими должны обращаться с жалобами к своим чиновникам, те, заполучив с крестьян денежки, конечно, и ухом не ведут. Дела здесь творятся, одним словом, темные и некрасивые, очень плохо рекомендуемые наших русских чиновников. Впрочем, и неудивительно, если такие вещи до сих пор мыслимы: на должности попечителей улусов и их помощников иногда назначаются такие почтенные личности, как бывший буфетчик с Самолетских пароходов. Теперь во всем управлении калмыцким народом состоят только два человека с университетским образованием. С одним из них, попечителем Малодербетовского улуса г. Хлебниковым, я имел случай познакомиться. Обе эти личности справедливо пользуются любовью и уважением калмыков, и если бы таких людей здесь было больше, то, конечно, безобразия вроде тех, о которых я упоминал, были бы немыслимы. Отчего бы, мне кажется, не назначить на должности попечителей и помощников их окончивших (44 л.) курс на Восточном факультете как людей с университетским образованием и притом несколько знакомых с калмыцким языком; они, мне кажется, более всего подходили бы к этим должностям. Я убежден, что на факультете нашлось бы достаточно охотников на места помощников попечителей с содержанием в 800—1000 рублей, лишь бы русских, калмыцких чиновников и туземных властей, однако еще полбеды, именно потому, что они злоупотребления и, как таковые, могут быть, следовательно, устранены тем или другим способом (так. — С. С.). Гораздо важнее те недоразумения, которые происходят от столкновения 2 различных элементов населения края — русского и калмыцкого. Недоразумения эти, тяжелее всяких злоупотреблений русских чиновников и грабительства туземных владельцев, отзываются на участи калмыков. Особенно печальны они потому, что устранить их решительно невозможно без активного содействия самих угнетаемых; ждать же такого содействия от ленивого, неповоротливого народа положительно невозможно.

Как калмыки, так и русские поселенцы в Астраханской губернии занимаются одним и тем же промыслом — скотоводством. Для скотоводства, как известно, требуется возможно большее пространство

земли, вследствие споров из-за земли и происходят главным образом все недоразумения между калмыками и русскими. Уладить их, при настоящем положении дела, немыслимо уже по одному тому, что русским отведено земли для пастбы скота сравнительно меньше, чем калмыкам, между тем как число скота у русских постепенно увеличивается, у калмыков же прогрессивно уменьшается. Явление это объясняется тем, что все нужные в хозяйстве вещи покупают у русских, платя им при этом не деньгами, которых у них нет, а скотом. Цены на скот доведены поэтому русскими эксплуататорами до невозможных минимумов. Часто случается, что калмык за 10 рублей долга отдает корову, а за 35—40 рублей — хорошего верблюда. Другая причина понижения цен на скот и постепенного перехода в руки русских крестьян лежит в хронической бескормице, от которой зимой страдают калмыцкие стада. Виновниками же этой бескормицы являются сами же калмыки.

Был, например, верстах в восьми от нашей стоянки в Амта Бургуста прекрасный сенокос, калмыки вместо того чтобы пользоваться им и заготовливать себе корм на зиму, продали весь сенокос за бесценок киселевским крестьянам. Главным мотивом здесь является лень — просто неохота самим косить свое сено. Такие распродажи сенокосов на корню случаются у калмыков сплошь и рядом. По словам крестьян, на калмыцкой земле вполне (45 л.) достаточно сенокосов для того, чтобы обеспечить зимнее продовольствие скота; при разумном ведении хозяйства, калмыки могли бы даже сделать из сена доходную статью. Русские поселенцы при постоянном увеличении своих стад прибегают к всевозможным уловкам, чтобы тем или другим путем доставить скоту своему корм. О некоторых случаях поправ на калмыцких землях я имел случай упомянуть, когда говорил о злоупотреблениях, допускаемых чиновниками и местными калмыцкими властями, кроме этих поправ, бывают еще случаи прямого захвата земель калмыцких и самовольного поселения на них русских крестьян. Делается это крестьянами с помощью подкупа местных калмыцких обществ. В случае раскрытия факта такого самовольного поселения следует требование со стороны главного управления калмыцким народом об уничтожении поселка и удалении русских. На это требование русские поселенцы отвечают прошением, в котором указывают на безвыходность своего положения в случае уничтожения поселка и недостаточность места для пастбы скота. Прощения эти обыкновенно принимаются во внимание, и новые поселенцы оставляются, не в пример прочим, в покое. Пример такой безнаказанности, конечно, заразителен, а потому захваты такие совершаются нередко. Устранить такие аномальные отношения между русскими и калмыками можно только коренными изменениями в быте как тех, так и других, о которых говорить здесь, впрочем, не место.

Использованная литература

- Буддын шашин, 2000: Буддын шашин, соёлын тайлбар толь / Эрхэлсэн: д-р, проф. Н. Хавх. 2 дэвтэр. «Өнгөт хэвлэл». Улаанбаатар, 2000 (Buddyn shashin, soelyn tailbar tol' / Erhelsen: d-r, prof. N. Havh. 2 devter. «Ongot hevle»). Ulaanbaatar, 2000).
- Голстунский, 1893—1895: *Голстунский К. Ф.* Монгольско-русский словарь. Т. 1—3. СПб., 1893—1895 (*Golstunskiy K. F.* Mongol'sko-russkiy slovar'. Т. 1—3. SPb., 1893—1895).
- Зорин, 2010: *Зорин А. В.* У истоков тибетской поэзии. СПб., 2010 (*Zorin A. V.* U istokov tibetskoj poezii. SPb., 2010).
- Лувсанбалдан, 1975: *Лувсанбалдан Х.* Тод үсэг, түүний дурсгалууд. Улаанбаатар, 1975 (*Luvsanbaldan H.* Tod usэг, tuuniiy dursгалuud. Ulaanbaatar, 1975).
- Медведев, 2014: *Медведев В. Н.* Миграционные процессы населения (гернгутеров) Сарепты. Вторая половина XVIII—середина XIX в. URL: <http://altsarepta.ru/ru/stati> (дата обращения 14.01.14) (*Medvedev V. N.* Migracionnye processy naseleniya (gernguterov) Sarepty. Vtoraya polovina XVIII—seredina XIX v. URL: <http://altsarepta.ru/ru/stati> (data obrasheniya 14.01.14)).
- Монгольско-русский словарь, 1957: Монгольско-русский словарь / под ред. А. Лувсандэндэва. М., 1957 (Mongol'sko-russkii slovar' / pod red. A. Luvsandendeva. M., 1957).
- Перих, 1983—1993: *Перих Ю. Н.* Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями. Т. I—XI. М., 1983—1993 (*Rerih Yu. N.* Tibetsko-russko-angliiskii slovar' s sanskritskimi parallelyami. Т. I—XI. M., 1983—1993).
- Решетов, 2001: *Решетов А. М.* К. Ф. Голстунский: жизнь и деятельность выдающегося монголоведа // *Mongolica-V* / ред. С. Г. Кляшторный. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001 (*Reshetov A. M.* K. F. Golstunskiy: zhizn' i deyatel'nost' vydayushegosya mongoloveda // *Mongolica-V* / red. S. G. Klyashtornyi. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2001).
- Das, 1988: *Das S. Ch.* A Tibetan-English Dictionary. Kyoto, 1988.